

Н.И.Платонова

ДОГОВОРЫ РУСИ И ВИЗАНТИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРХИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА X ВЕКА (к постановке проблемы)

N.I. Platonova. Treaties of Russia and Byzantine and the Social Upper Layer of the Russian Society of the X Century (Towards Formulation of the Problem).

The article is dedicated to studying Russian-Byzantine treaties, the texts of which are placed into the most ancient Russian annals «Povesti vremennih let» under the years 907, 911, 944 and 971. These treaties represent the most ancient written records that reflected the reality of the early medieval state of the Kiev Russia. Despite the editorial proof-reading at the composition of the annals, the given treaties offer the information that is prior to the content of the annals into which they were included later.

The author of the article analyses the structure of personal names that were included into the treaties from the Russian side. The majority of these names are of the Scandinavian origin. There are only three authentic Slavonic names. These are the people who can be considered the heirs of Rurik. All the people mentioned in the texts of the treaties are representatives of the nobility of Varangian origin. They have no relation to the chieftains of the Slavonic tribes subordinate to Kiev. Basing on the analysis of the text of the treaties the author follows the changes in the social structure of the upper layer of the Russian society in the X century.

Русско-византийские договоры, помещенные в Повести временных лет (ПВЛ) под 6415 (907), 6420 (911), 6453 (944) и 6479 (971) гг., представляют собой древнейшие письменные источники, непосредственно отразившие реалии Киевской Руси (Шахматов 1916: 31–41, 51–61, 86–87). Все они дошли до нас в списках, датированных не ранее последней четверти XIV в. (договоры 944 и 971 гг.) или даже XV в. (договоры 907 и 911 гг.) (Обнорский 1936: 83) Поэтому факты редакторской правки (преимущественно XI–XII вв.) и позднейшей порчи текста здесь, безусловно, имеются (Шахматов 1915: 385–400, Истрин 1924: 385–393). Но даже в таком виде договоры представляют собой документы первостепенной важности, несущие информацию, первичную по отношению к содержанию летописи, в состав которой они позднее были включены.

Первооригиналы договоров X в. отражали собой реальную ситуацию текущего момента. Вне зависимости от того, на каком языке они были написаны, они изначально представляли собой документы, синхронные событиям. Если заложенная в них информация иногда оказывается неоднозначной, то, по большому счету, причина тому одна – невыясненность вопроса о времени и месте перевода первооригиналов на древнерусский язык. Именно это создает определенные сложности при анализе, к примеру, русской социальной терминологии договоров. Здесь многие выводы напрямую зависят от позиции исследователя по вопросу о том, когда

работали с договорами их переводчики — в X в. (современники событий) или в XI — начале XII в.? Мнения ученых на этот счет резко расходятся, и общепризнанного решения пока нет (Истрин 1924; Корнеева-Петрулан 1952; Ларин 1975: 24–52).

Летописные же рассказы о событиях, отраженных в договорах, создавались, по самому скромному подсчету, на 100 и более лет позже. В основе их лежит принципиально иной комплекс источников. Сюда входят первые опыты русской христианской письменности XI в., отрывочные сведения византийских хроник о Руси, данные топонимики и связанные с ними легенды (Шахматов 1908: 13–97, 133–170, 491–527; Приселков 1940: 16–44; Каргер 1955: 59–71). Но основой летописного повествования о временах Олега, Игоря и Ольги, безусловно, являются не они. Эти рассказы построены на устных генеалогических преданиях и героических песнях, переживших к моменту записи уже 2–3 поколения потомков воспетых в них героев. Нельзя сказать, что этот факт полностью игнорируется современной наукой. Проблеме устных источников ПВЛ посвящена обширная литература, обзорные которой могло бы послужить материалом для отдельной работы (сведения об этом см.: Буганов 1975; Рыдзевская 1978; Лихачев 1986). Однако следующий из нее непреложный вывод источниковедческого плана до сих пор не прозвучал с должной силой в трудах историков. Он заключается в том, что к моменту своего попадания в летопись исторические факты X века

серьезно трансформировались, по меньшей мере, дважды. Первая трансформация исторической действительности по законам иного жанра происходила тогда, когда эта действительность становилась эпосом и фольклором (Адрианова-Перетц 1974: 29-38). Фольклорное повествование было призвано отражать и формировать мировоззрение поколений, но и каждое поколение вносило свой вклад в формирование фольклорных циклов, смещая в них акценты под влиянием текущего момента. Так или иначе, отдельно взятый исторический факт мог сохраниться в устной передаче на протяжении столетия и более только при одном условии. **Он должен был быть включен в состав связного и достаточно популярного фольклорного повествования о прошлых временах. В противном случае его ждало забвение.**

Вторая трансформация исторической основы русского фольклора X в. происходила уже под пером древнерусского книжника. Киевские летописцы привлекали устный материал весьма избирательно, устранив из него в ходе работы противоречивые версии и определяя его хронологию по своему усмотрению. Таким образом, летописное повествование о событиях X в. имело сложную и многоступенчатую историю формирования. Лишь со второй половины XI в. в ПВЛ начинают появляться «дневные даты», свидетельствующие о том, что соответствующие погодные записи сделаны рукой современника и очевидца (Алешковский 1971: 56-59).

Это источниковедческое отступление принято мной для того, чтобы ясно выделить исходную посылку, имеющую большое значение для исследования русско-византийских договоров. Та положительная информация, которую они содержат, далеко не равноценна той, что может быть получена из сопутствующего летописного текста. Эти источники различны по характеру, по степени достоверности и требуют различной методики анализа. Смешивать воедино известия договоров и летописи методически неверно. Подтверждать сведения договоров летописными данными — несерьезно. Договоры сами по себе — важнейшие источники ПВЛ. Их содержание, в основном, было согласовано с ее общей исторической концепцией еще в начале XII в. А.А.Шахматов высказал остроумное и достаточно убедительное предположение, что именно знакомство составителя ПВЛ с текстом договора 911 г. повлекло за собой исправление в титулатуре Олега: «князь» вместо «воеводы» Начального свода (Шахматов 1908: 94-108, 316-321). Те же договоры (особенно текст 944 г., содержащий впечатляющий список варяжских имен послов вкупе с именами их доверителей «от рода русского»), возможно, послужили исходной посылкой для летописного отождествления варягов с Русью, характерного именно для ПВЛ (Шахматов 1908: 325 и сл., 328, 338 и сл.)

Поскольку договор 944 г. представляет собой, помимо всего прочего, достоверное документальное свидетельство о существовании в языческом Киеве церкви св. Илии и о христианах среди приближенных князя Игоря, то позволительно поставить и другой вопрос. Не это ли легло в основу летописного утверждения (казавшегося ряду исследователей тенденциозным), что первые христиане в Киеве были именно варягами? В целом можно с уверенностью утверждать, что знакомство летописцев с русско-византийскими договорами наложило свой отпечаток на их представления об истории Руси и, возможно, определило направление дальнейшего поиска и отбора материала. То, что это знакомство произошло именно в начале XII в. в ходе работы над ПВЛ, было обосновано А.А.Шахматовым. Он установил отсутствие текстов договоров в Начальном своде конца XI в., предшествовавшем «Повести» (Шахматов 1908: 5-13, 67-133). Разумеется, данное утверждение всегда будет содержать в себе элемент гипотетичности, но, принимая в целом генеалогию русского летописания, построенную А.А.Шахматовым, следует признать обоснованным и факт первоначального включения договоров в летопись на этапе составления авторского текста ПВЛ или одной из первых ее редакций. Более доказательной альтернативной гипотезы в науке пока не выдвинуто.

В научной литературе давно утвердилось мнение, что ПВЛ является цельным историческим произведением с достаточно определенной идейной платформой. Выражением ее идейной направленности явилось поэтическое воспевание древней княжеской доблести, противопоставлявшее бессовестной современности те добрые старые времена, когда земля еще была единой, когда не было междукняжеских распри, а сильное русское войско решало внутренние проблемы Руси за счет чужих народов. Эта позиция, по-видимому, разделявшаяся достаточно широкими кругами русского общества, ярко очерчена уже в предисловии к Начальному своду: *«Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле и ины страны придаху под си; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, и ту возмя, дааше дружине на оружье. И дружина его кормяхуся воюще ины страны [...] Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в серебряных и расплодили были землю Русьскую...»* (НПЛ 1950: 103-104). Этот предельно обличительный по отношению к современным порядкам фрагмент впоследствии был опущен составителем ПВЛ. Однако примеров подачи исторического материала именно с таких позиций в самой ПВЛ более чем достаточно. Согласно летописи, князья-язычники X в., как правило, не

проявляли излишней алчности, не пренебрегали советами старшей дружины (единственным исключением является случай с князем Игорем, повлекший за собою гибель князя). Летопись не упоминает никаких родичей Олега, Игоря и Ольги, за исключением их прямых наследников на киевском столе. Начало братоубийственных войн Рюриковичей относится ПВЛ лишь к поколению детей Святослава.

Согласуется ли описанная картина с тем, что сообщают нам договоры? — Не вполне. Во-первых, последние не оставляют сомнений в существовании в первой половине X в. иных ветвей Рюрикава дома. Имена племянников Игоря, упомянутых в договоре 944 г. — Игоря и Акуна — добросовестно переписывались многими поколениями древнерусских книжников, однако этот непреложный факт наличия в Киеве ближайших кровных родственников погибшего князя в пору малолетства Святослава никак не отразился в летописи. Если учесть, что порядок перечисления имен послов и их доверителей в таком важном дипломатическом акте, как договор, конечно, строго соответствовал их рангу, нельзя не отметить следующее: посол Акуна, племянника Игоря, назван в списке **одиннадцатым**, после имен послов от самого Игоря, Святослава и Ольги, а также послов от неизвестных нам Игоря (племянника Игоря), Володислава, Предславы, Сфандр (жены Улеба), Турда, Фаста и Сфирька. Таким образом, все эти лица должны были превосходить по своему статусу Акуна, племянника киевского князя. Кто были эти люди? — Летопись не сохранила даже глухого упоминания о них. Подтверждают ли сторонние источники существование достаточно многочисленных кровных родичей Игоря в середине X в.? — Да, подтверждают.

В трактате Константина Багрянородного «О церемониях», при описании приема посольства Ольги, упомянуто шесть «архонтисс — ее родственниц». Византийский протокол резко отделяет их от присутствовавших на том же приеме восемнадцати «наиболее видных прислужниц» княгини. Зато восемь мужчин, сопровождавших Ольгу, признаются протоколом равными по статусу «архонтиссам-родственницам» — им назначается тот же подарок — 20 миллиарисиев. Двадцать послов «других архонтов России» получают по 12 миллиарисиев. Но первым после княгини лицом в посольстве является абсолютно неизвестный нам «анепсий» Ольги, то есть ее кровный родственник, возможно — племянник. Ему на первом приеме у Константина было назначено 30 миллиарисиев (Литаврин 1982: 81-84)

Таким образом, источники, непосредственно отражающие обстановку X в., рисуют нам целые кланы великокняжеских родичей. Имя «анепсия» Ольги, скорее всего, следует искать среди первых персон Игорева договора. «Архонтиссам-родственницам», безусловно, были связаны с домом Рюриковичей узами кровного род-

ства или свойства. Либо их мужья, либо они сами (Предслава? Сфандр?) тоже поименованы в преамбуле договора 944 г. в числе первых. Наконец, княжеский статус персон, перечисленных во второй половине посольского списка (после Акуна, племянника Игоря), косвенно может быть подтвержден тем, что 22 посла, сопровождавшие Ольгу, прибыли в Константинополь как представители «других архонтов России». Статус этих «архонтов», безусловно, был значительно ниже великокняжеского, но все же они пользовались правом посылки на переговоры в Византию своих личных представителей. Их имена скрупулезно перечислялись в таком важном дипломатическом акте, как договор. Какова оказалась судьба этого «княжья» в эпоху дальнейшего правления Ольги и Святослава? — Русские летописи хранят об этом полное молчание. Однако уже Святославов договор 971 года упоминает, наряду с великим князем, только одно имя — Свенельда. Присягу же соблюдать мир и обязательства по отношению к императору Святослав приносит один.

Попытки увидеть в «великих и светлых князьях» Олеговых договоров, равно как и в «княжьях» договора Игоря — представителей племенной славянской знати, племенных князьков, подчиненных Киеву, вызывает, по меньшей мере, недоумение (Развитие этнического самосознания 1982: 103). Специальное исследование показало, что из 24 княжеских имен, донесенных до нас преамбулой договора 944 г. (одно имя утрачено при переписках), 16 надежно определяются как скандинавские, а 6 — имеют неясное происхождение (Валеев 1982). Достоверно славянских имен здесь три — Святослав, Володислав, Предслава. Но как раз этих людей, поименованных в списке в самом начале, с наибольшим основанием можно считать Рюриковичами (относительно Святослава, сына Игоря, сомнений в этом нет). Таким образом, «княжья» договора 944 г. имело, по большей части, скандинавское или смешанное скандинавско-славянское происхождение. Видеть в них представителей местной родовой верхушки общества невозможно уже по одной этой причине. Перед нами представители высшей знати «от рода русского», имевшей надплеменной характер в силу особенностей своего формирования. Вероятно, их можно сопоставить с теми «архонтами», которых Константин Багрянородный упоминает во множественном числе, говоря, что в ноябре они «выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, [...] возвращаются в Киав» (Константин Багрянородный 1989: 51).

Легенды и сказания о княгине Ольге, донесенные до нас летописью, сохранили память об

ее хитрости и жестокости. Ольга предстает в летописных рассказах удачливой воительницей и мудрой женщиной, однако все ее деяния, по сути, сводятся к описанию ее страшной мести за убийство Игоря. Средневековый фольклор имеет свои законы. Он редко воспеваает борьбу за власть, движимую честолюбием. Сражения былинных богатырей всегда имели в основе благородные порывы (защита обиженных, борьба с врагами Русской земли и так далее). Легенда превратила Ольгу в безутешную вдову, стремящуюся отомстить за убитого мужа. По понятиям раннего средневековья, такая ситуация оправдывала любую жестокость и вероломство с ее стороны. Все сохранившееся в народной памяти о борьбе, которую вела княгиня, превратилось в рассказы о мести. При перенесении этих известий в летопись (спустя сто лет) они, конечно, были привязаны книжником к дате смерти Игоря и отнесены к первому году самостоятельного правления Ольги. Лишь под 947 годом (эта дата, скорее всего, произвольна) сохранилось глухое упоминание о каком-то походе к Новгороду. Все остальные годы правления «блаженной Ольги» лишены в летописи всяких событий (за исключением поездки в Константинополь и крещения княгини). Так ли было на самом деле? — В настоящий момент источники не дают возможности исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но поставить его со всей отчетливостью надо. Русско-византийские договоры 944 и 971 годов свидетельствуют, что за период в 27 лет, истекших между гибелью Игоря и окончанием войн Святослава, обстановка на Руси сильно изменилась. Со страниц документов фактически исчезает целый слой высшей русской знати — князья-подручники, представители боковых ветвей Рюрикова рода или, может быть, вовсе не связанные с ним родством, но имевшие княжеский статус в силу происхождения. Это факт, с которым необходимо считаться, и молчание летописи на сей счет никак не может явиться аргументом в споре.

Возможности анализа социальной структуры верхов русского общества по материалам договоров отнюдь не исчерпываются приведенными выше рассуждениями. В дошедших до нас списках упоминаются «князья» (их титулатура по Олеговым договорам и договору Игоря в русских переводах резко различна), а также «бояре», «мужи», «люди Русской земли». Неоднократно делались догадки о постепенной

утрате князьями-подручниками их былого значения к середине X века, когда они из «великих и светлых князей» 911 г. превратились во «всякое княжье» 944 г. Но на мой взгляд, любые рассуждения на сей счет будут необоснованными и спекулятивными, пока не произведена серьезная филологическая и лингвистическая проработка материала договоров на современном научном уровне. Пока наиболее обоснованным остается мнение, что вся социальная терминология договоров представляет собой перевод с греческого, а сами эти переводы разновременны и не имеют точной хронологической привязки, мы не можем рассуждать об эволюции княжеской титулатуры в первой половине X в. Причины замены «великих и светлых» на «всякое княжье» могут лежать в совершенно иной плоскости. То же касается анализа термина «бояре», появление которого может интерпретироваться совершенно по-разному, в зависимости от того, принадлежал он переводчику X в. или был привнесен в текст переводчиком XI в.

К сожалению, наиболее серьезная лингвистическая работа, посвященная русско-византийским договорам, была опубликована в 1853 году. Это — классическое исследование Н.А.Лавровского, трактующее об отчетливых византийских элементах в языке этих документов (Лавровский 1853). Оно на сто лет вперед «закрыло» все дискуссии по сему поводу. Новое обращение лингвистов к этому материалу произошло только в конце 1930-х гг. (Обнорский 1936) и в начале 1950-х гг. (Корнеева-Петрулан 1952; Ларин 1975). Однако ключевые для понимания русско-византийских договоров вопросы: о порядке составления этих актов; о возможности изготовления переводной копии в момент их заключения; о характере того «русского» языка, на котором говорили киевские послы при византийском дворе; о дате дошедших до нас переводов; об отличиях в языке этих переводов от других известных нам памятников русской письменности XI-XII вв. — в сущности, так и остались дискуссионными. С момента появления последнего лингвистического исследования о договорах прошло более сорока лет. В настоящий момент новое обращение филологов и лингвистов к этому уникальному материалу представляется настоятельно необходимым. Возможно, современные методы исследования позволят выявить в языке договоров ту информацию, которая даст возможность историкам полнее судить о них.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. 1974. Древнерусская литература и фольклор. Л.
 Алешковский М.Х. 1971. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.
 Буганов В.И. 1975. Отечественная историография русского летописания. М.
 Валеев Г.К. 1982. Антропонимия Повести временных лет. Автореферат канд. дисс. М.

Истрин В.М. 1924. Договоры Руси с греками X в. // ИОРЯС АН, Т. XXIX. С. 383-393.
 Каргер М.К. 1955. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 11. С. 59-71.
 Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М.
 Корнеева-Петрулан М.И. 1952. К изучению состава и языка договоров русских с греками. // Ученые за-

- писки МГУ. Вып. 150. Русский язык.
- Лавровский Н.А. 1853. О византийском элементе в договорах русских с греками. СПб.
- Ларин Б.А. 1975. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.). М.
- Литаврин Г.Г. 1982. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М. С. 71-92.
- Лихачев Д.С. 1986. Устные летописи в составе Повести временных лет // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. С. 113-136.
- НПЛ 1950. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.
- Обнорский С.П. 1936. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. М.; Л. Т. 6-7. С. 79-103.
- Приселков М.Д. 1940. История русского летописания XI-XV вв. Л.
- Развитие этнического самосознания 1982. — Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.
- Рыдзевская Е.А. 1978. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. Древнейшие государства на территории СССР. М. С. 159-236.
- Шахматов А.А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
- Шахматов А.А. 1915. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неофилологического общества. Петроград. С. 385-400.
- Шахматов А.А. 1916. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград.